

**РЕЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ТЕКСТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ В СМИ)
EXPRESSIVE FEATURE OF EXTREMIST TEXTS (ON THE BASIS OF
TEXTS OF MASS MEDIA)**

Аннотация: В статье анализируются речевые особенности публицистических текстов, которые могут стать основанием для признания статей из СМИ экстремистскими.

Ключевые слова: средства массовой информации; речевые особенности; экстремистский текст.

Abstract: In the article analyzes expressive feature of public texts, which can be basis for the recognition of media articles of extremist text.

Keywords: mass media; expressive feature of speech; extremist texts.

В последнее время в освещении мировых СМИ все чаще появляется информация о судебных разбирательствах по поводу отдельных журналистских статей. Связано это с изменением самого принципа отбора и подачи материала в статьях. Т. В. Романова отмечает, что традиционные СМИ ценились за соблюдение аргументации, корректности, однако современные журналисты опираются на «эффекты, эмоции, „разыгранную“ искренность, сочувствие, смущение и т. д.» [2]. То есть в языке СМИ теперь субъективность преобладает над объективностью. Кроме того, ученые отмечают повышение агрессивности речи, использование агрессивных тактик и стратегий (манипулирование, запугивание, угроза, ложь и т. д.) [2]. Все это повышает конфликтность текстов и, как результат, провоцирует увеличение судебных разбирательств, в том числе по поводу экстремизма в СМИ.

В настоящем исследовании мы попытаемся выяснить, какие речевые особенности характерны для экстремистских журналистских статей.

В качестве материала исследования были использованы следующие тексты, признанные экстремистскими в судебном порядке: Фаузия Байрамова «Мы татары, а не русские» (газета «Взятка»), Роман Юшков «Истерия по-пугачевски» (газета «Звезда»).

Согласно Т. В. Чернышовой, разворачивание речевого конфликта может происходить по трем следующим сценариям:

1. «Конструктивная оценочность». В обыденном сознании оценочность тесно связана с критическим осмыслением действительности. Поэтому «крити-

ческое высказывание, даже если оно справедливое, часто приводит к возникновению и развитию речевого конфликта». Это приобретает особенное значение в текстах СМИ, где «... оценочное высказывание воспринимается не как субъективное мнение, а как социально одобренное, устоявшееся».

2. «Деструктивная оценочность», при которой «... автор сознательно уходит от позиции социальной оценки и заменяет ее узкопрофессиональными, корпоративными, групповыми интересами, носящими подчас заказной характер, выдаваемыми в тексте за интересы общества в целом».

3. Следующий тип оценочности по содержанию социально-оценочный, по форме «нарочито сниженный, аффективный, просторечно-бранный» [4, с. 108].

В экстремистских текстах преобладает второй тип – «деструктивная оценочность».

В анализируемых статьях используются самые разные средства и способы выражения деструктивной оценочности. Остановимся на некоторых из них.

1) гиперболизация негативных черт этноса:

«вымирающий от пьянства, наркомании, преступности и моральной деградации народ», «атеизм, коррупция, пьянство, классовая ненависть, моральная деградация (...) с советской идеологией» (Ф. Байрамова);

«комплекс оккупанта: бей, насилуй, раздербанивай покорённую территорию» (Р. Юшков);

2) приведение недостоверной информации, которая преподносится как достоверная:

«Кадыров обычно забирает своих осуждённых сидеть в Чечню, (...), выходят (...) героями: зарезанный русский, а лучшие не один – это для них важный социальный рубеж, инициация, которая здорово поднимает статус молодого абрека в чеченском обществе» (Р. Юшков);

«Все началось еще со времен Иоанна Кронштадтского, который оставил много (...) далеко не радужных „пророчеств“, относительно будущего русского народа (сейчас они по известным причинам строго засекречены)» (Ф. Байрамова);

3) проецирование собственного мнения на весь народ:

«Русских мы не считаем эталоном для подражания, и служить нравственным ориентиром для нас они не могут», «Мы живем по своим, внутренним законам, и истинный татарин никогда не пойдет на кровосмешение с русскими» (Ф. Байрамова).

К числу особенностей экстремистского текста относится и «язык вражды». Г. Кожевникова, эксперт центра «Сова», отмечает, что с каждым разом количество дискриминационных высказываний, призывов к насилию на страницах российских газет увеличивается на 1–2 %» [1].

Точной дефиниции термина «язык вражды» до сих пор не найдено. Как отмечает М. Л. Подкатилина, язык вражды проявляется в использовании речевых средств, характер которых позволяет определить интенции подстрекательства к насилию, ненависти или дискриминации в отношении отдельных групп людей [1].

Е. В. Сальников отмечает, что в пропагандистских и информационно-просветительских материалах экстремистского характера присутствует три действующих лица: сама экстремистская группа, враг и народ [3]. По нашему мнению, в журналистских статьях тоже можно выделить три субъекта:

1. Автор – выразитель субъективного мнения, которое предлагается читателю как единственно правильное.

2. Враг – образ противника, который проявляет агрессию по отношению к народу.

3. Народ – сообщество людей, угнетаемых врагами, та группа людей, на мнение которой автор хочет повлиять.

Между этими субъектами строятся разные типы отношений:

1. Автор явно включает себя в состав народа. В обеих статьях основным средством выражения этой позиции является частое употребление местоимений первого лица множественного числа («мы, татары, должны», «разрешил нам оставить свою культуру» – Ф. Байрамова; «наше государство», «...альтернатива этому – наши сегодняшние никчёмные жертвы», «мы (...) пока твёрдо выбираем второе»).

2. Автор занимает позицию одной из сторон, но явно не выражает свою принадлежность к ней (часть статьи Романа Юшкова «Истерия по-пугачевски»): «применяют в отношении местных», «русских режут» (ср. «применяют в отношении нас», «нас режут»).

В анализируемых статьях используется оба типа отношений. Авторы меняют свою позицию в зависимости от используемых тактик речевого воздействия.

Главный принцип построения отношений между народом и врагом – оппозиция «свой-чужой». Данная оппозиция строится с помощью противопоставления негативно-окрашенной лексики и лексики с положительной коннотацией. Оппозиция «свой-чужой» и есть одна из самых важных особенностей проявления языка вражды.

Таким образом, мы выяснили:

1) экстремистский текст имеет 3 субъекта: автор, народ и враг, между которыми строятся разные типы отношений;

2) текст строится на основе «деструктивной оценочности» и «языка вражды».

Все эти особенности, как мы считаем, помогут определить, действительно ли данный текст правомерно признавать экстремистским.

Библиографический список

1. Подкалитина, М. Л. Проблема выявления экстремизма в средствах массовой информации с помощью специальных знаний / М. Л. Подкалитина. – <http://ohranka.com/category/arhiv/page/8/>.

2. Романова, Т. В. Тексты региональных СМИ с точки зрения лингвистической конфликтогенности. – <http://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/58757415>.

3. Сальников, Е. В. Принципы проведения лингвистической экспертизы экстремистских материалов. – <http://sud-expertiza.ru/library/principy-provedeniya-lingvisticheskoy-ekspertizy-ekstremistskih-materialov/>.

4. Чернышова, Т. В. Конфликтное функционирование медиатекстов: реализация инвективной функции языка в условиях публичного общения / Т. В. Чернышова // Медиатекст как полииненциональная система : сборник статей ; отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. – СПб. : С.-Петербург. ун-т, 2012. – С. 104–111.

5. Шарафутдинова, О. И. Речевые средства создания образа ратора (на материале российского политического дискурса конца XX века) / О. И. Шарафутдинова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2008. – Вып. 21, № 16. – С. 171–177.